

Крестьянское движение в Марийском крае в 1919 г.

А.А. Иванов, Т.П. Федяева
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
Йошкар-Ола, Российская Федерация

В статье дается обзор основных событий крестьянского движения в Марийском крае в 1919 г. Представлены различные виды крестьянского сопротивления. Автор рассказывает о влиянии советской пропаганды на положение дел в Козьмодемьянском уезде. Рассматривает введение военного положения в Новоторъяльской волости. В статье раскрывается ход событий крестьянских восстаний в Шиньшинской, Помарской, Сотнурской волостях осенью 1919 г. Делается вывод о причинах крестьянских волнений.

Ключевые слова: крестьянство, «военный коммунизм», продразверстка, агитация, большевики, крестьянские восстания.

Для цитирования: Иванов А.А., Федяева Т.П. Крестьянское движение в Марийском крае в 1919 г. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №3. С. 51–61.

Революция 1917 г. полностью изменила жизнь российского общества. Советское (большевистское) правительство, взявшее на себя бразды правления после октябрьского переворота, взяло курс на строительство коммунистического государства. В стране стали проводиться реформы в логике теоретических идеалов коммунистической идеологии, абсолютно не просчитанные с практической точки зрения и не учитывающие возможные риски. Одной из таких реформ стало введение политики «военного коммунизма», которая ставила под государственный контроль все потоки продовольствия и запрещала крестьянам распоряжаться продуктами своего труда. Крестьянство, надеявшееся на «свободный труд – на свободной земле» [23, с.22–39] после падения монархии, было обмануто в своих революционных ожиданиях. Ситуация усугублялась начавшейся Гражданской войной и последовавшими за ней различными мобилизациями.

Из деревни началась неконтролируемая выкачка продовольствия, рабочих рук и силы, сопровождавшаяся силовыми методами принуждения. Сельское хозяйство постепенно разрушалось. Крестьянину ничего не оставалось делать, как встать на защиту своих прав. Примерно с лета 1918 г. по стране начинает прокатываться волна стихийных крестьянских волнений, которые с этого момента начинают квалифицироваться советскими властями как контрреволюционные выступления, имеющими своей целью реставрацию прежних порядков. Восстания подавлялись силовыми методами с особой жестокостью.

Большевистское правительство пыталось бороться с крестьянским движением исключительно пропагандистскими и силовыми методами. Именно пропаганде среди населения они уделяли наибольшее внимание, полагая, что каждый гражданин проникнется коммунистической идеологией и беспрекословно начнет выполнять инструкции властей. С этой целью при отделах управления исполкомов совдепов стали создаваться информационно-инструкторские подотделы, полномочия которых заключались в агитации среди населения и сборе оперативной информации с мест [9, л.41, 41 об.]. Инструкторы-агитаторы выезжали на места с лекциями, распространяли литературу, участвовали в организации ячеек сочувствующих партии коммунистов (большевиков) [12, л.124; 13, л.42–43]. С определенной периодичностью информационно-инструкторские подотделы подавали в вышестоящие органы власти сведения согласно специально разработанных анкет. Сбор информации осуществлялся по таким направлениям, как положение в волости (уезде), настроение населения, проведение хлебной монополии и других советских мероприятий, слухи, восстания и т.д. [14, л.127, 127 об.]. Анкеты модифицировались по мере постановки новых задач и происходящих событий. Кроме этого, подотделы собирали отчетность о деятельности местных органов власти. Наделялись полномочиями при необходимости вмешиваться в работу учреждений для наведения в них советского порядка [13, л.113]. Тем не менее, создание сети информационной пропаганды не остановило протестное движение населения. Выступления продолжились.

В 1919 г. марийское крестьянство, как и крестьянство по всей Советской России, продолжило сопротивление большевистской аграрной политике. К февралю месяцу сложилась тяжелая продовольственная обстановка в Козьмодемьянском уезде. 7 февраля Козьмодемьянский уездный Совет рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов писал в Казанскую губернскую продовольственную управу следующее: «Ввиду неимения в г. Козьмодемьянске и его уезде запасов предметов первой необходимости (хлеба) положение в уезде становится затруднительное. Хлеба нет. Запасов только на текущий месяц и то исключительно для одного города по 10 фунтов на едока. Достать где-либо хлеба на следующие месяцы не представляется возможным. Население настроено враждебно. Происходят голодные бунты. В уезде производятся убийства, насилия, грабежи и пр. Необходим тот или иной выход. Если в феврале не будет подвоза хлеба из какого-нибудь другого уезда, то Совет не может поручиться за будущее» [10, л.48, 48 об.].

Еще больше обострила итак непростую обстановку агитация редактора газеты «Канаш» А.П. Лбова и инструктора по внешкольному образованию Козьмодемьянского уезда Мамутина по вопросам советского строительства и сбора чрезвычайного революционного налога, прошедшая в конце января – начале февраля в Янгильдинской, Мало-Карачкинской, Сундырской волостях [21, л.26]. По материалам дознания председателя

Янгильдинского волостного совдепа Грибоедова в волости не наблюдалось недовольства к советской власти после сбора чрезвычайного налога. Мамутин же стал пропагандировать среди населения, что налог был собран несправедливо. Говорил, что «если крестьянин имеет до 17–18 тысяч рублей наличными, включая имущество, то с такого крестьянина можно взять не более 1 тысячи рублей. Крестьяне, имеющие 10 тысяч рублей, заработанные собственным трудом, налог уплачивать не должны, а с тех, кто занимались спекуляцией и нажили за 2-3 недели 2-3 тысячи рублей, с них брать налог» [11, л.84, 84 об.].

После речей Мамутина крестьянство начало изъявлять страшное недовольство по отношению к советской власти в целом и к местным работникам сельских и волостных совдепов в частности [11, л.84]. При этом Мамутин открыл в с. Ишаки Янгильдинской волости народный дом, где на постоянной основе устраивал чтения и беседы, учил мужиков грамоте. В своих чтениях он затрагивал вопросы значения народного дома, текущего положения дел в стране, чрезвычайного налога [7, л.71].

Председатель местного волостного совдепа Грибоедов предупреждал А.П. Лбова на предмет выступлений с «мамутинскими речами», так как это окончательно могло нарушить общественный порядок, и работать в совете в дальнейшем будет невозможно. По инициативе Лбова и Мамутина был созван волостной съезд. На него пришли все крестьяне «без классового разбора» [11, л.84]. По некоторым данным, на него собрались в основном плательщики чрезвычайного налога, которые и стали возмущаться после разъяснения так называемых «правил» его оплаты [7, л.71]. Последовали угрозы членам комитета деревенской бедноты. Да и речи Мамутина раскололи деревенскую бедноту, часть присоединилась к возмущающемуся зажиточному населению [11, л.84 об.].

В Мало-Карачкинской волости также до появления Лбова все было спокойно. Все декреты центральной власти и распоряжения местных властей исполнялись населением. По свидетельству председателя 3-го Мало-Карачкинского сельсовета Никифорова, Лбов на сельском сходе объявил о том, что чрезвычайный налог не будет взыскиваться с семей, члены которых находятся в рядах Красной армии. Платить должны только те семьи, у которых никто не служит в армии [7, л.69]. Очевидец этих событий житель с. Мало-Карачкино Алексей Степанов дополнял: Лбов заявил, что среди крестьянства нет ни кулаков, ни богачей [11, л.85]. Агитатор говорил, что во всем уезде найдется, может быть, 2-3 человека, которых можно считать кулаками и взыскать с них налог. Собранные деньги многим будут возвращены обратно. После этого плательщики налога начали подавать жалобы, а Лбов их принимал, обещая им защиту [11, л.88].

На этом же сходе Лбов распустил организованную ячейку коммунистов, сказав, что Мало-Карачкинской ячейки не существует. Мотивом ее роспуска, по показаниям местных жителей, послужило то, что председатель и организатор ячейки гражданин Федоров 19 лет назад при царской

власти служил 2 недели полицейским. Ячейка коммунистов после этого потеряла свой авторитет и стала называться в народе «шайкой разбойников» [11, л.85, 86].

Представители власти обеих волостей констатировали, что «кулачество» после подобных агитаций стало вести себя свободно и пренебрегать указаниями центральных и местных органов власти. В адрес советских служащих стали сыпаться угрозы. С большой долей вероятности может нарушиться работа советских учреждений, так как никто не согласится в них служить. В волостях не выполняются военные и продовольственные наряды, в том числе сбор натурального налога [7, л.70; 11, л.84, 84 об.].

13 февраля 1919 г. состоялся съезд представителей от сел и деревень Сундырской волости, на котором обсуждались вопросы создания Красной армии путем обучения граждан на местах военному делу и признания законов и распоряжений советской власти. Перед представителями выступили секретарь Козьмодемьянского комитета РКП(б) В.Зубков, заведующий агитаторским отделом при Козьмодемьянском уездном военном комиссариате П.Терехов, агитатор-организатор того же отдела И.Рыжков и агитатор от чувашской секции г. Казани Соловьев. Они разъяснили, что такое советская власть, как она строится, указали на пользу для граждан проведения всеобщего обучения военному делу. Население отказалось от военного обучения и признания распоряжений советской власти. Далее в течение 5 часов партийные работники и агитаторы пытались переубедить собравшихся, но беседа не дала результатов. Некоторые выступающие с мест высказывались, что они более согласны «не с тактикой советской власти, а с выборами в Учредительное собрание». Учредительное собрание называлось «опорной властительной силой», которой они все могли бы беспрекословно подчиняться. Сундырскому волостному совдепу осталось лишь засвидетельствовать перед Козьмодемьянским уездным исполкомом свое бессилие и просить принять меры воздействия на население [18, л.61]. Участники съезда не приняли предложенные агитаторами резолюции и вынесли свою: «За Учредительное собрание» [21, л.48].

Ситуация в Козьмодемьянском уезде была на контроле в Казанском губернском исполкоме. Так, 13 февраля заведующий губернским информационно-инструкторским отделом Г.Тихомиров перенаправил в наркомат внутренних дел телеграмму Козьмодемьянского отдела управления, в которой говорилось, что среди населения Сундырской, Янгильдинской и Мало-Карачкинской волостей после агитации редактора чувашской газеты Лбова и инструктора внешкольного образования Мамутина замечено брожение кулаков и присоединившейся к ним бедноты. В волости командированы агитаторы, владеющие национальными языками [21, л.26]. Население отказалось выполнять военные и продовольственные наряды [21, л.46]. Видимо, ситуацию удалось сгладить, так как свидетельств о вооруженных столкновениях в архивных документах не обнаружено.

В ходе разбирательств председатель 3-го Мало-Карачкинского сельсовета Никифоров предложил Казанскому губернскому исполкому при высылке агитаторов быть проинформированным, кого они направляют, и что будет этот человек агитировать. Иначе, по их мнению, если такие элементы будут посещать население, то больших неприятностей не избежать [7, л.69]. Примечательно, что в протоколе дознания фраза про Казанский губисполком, видимо, обличающая его ошибку, была зачеркнута для снятия с губисполкома косвенной вины в произошедшем волнении населения.

Судя по всему, факт недоверия населения Козьмодемьянского уезда местным советским работникам было решено проверить, в связи с чем проведено несколько разбирательств с должностными лицами уезда. В феврале 1919 г. Еласовским волостным совдепом был арестован отряд Тертова, при этом совдеп подчеркивал, что этим арестом он не идет против советской власти, а поддерживает ее, соблюдая строго советские законы, не давая поблажки ни контрреволюционерам, ни советским работникам, нарушающим советские законы. Говорилось, что отряд Тертова постоянно находился в нетрезвом состоянии и нарушал общественный порядок [19, л.155]. 22 февраля особой комиссией было предъявлено обвинение начальнику уездной милиции 3-го участка Петру Дашкову в систематическом превышении должностных полномочий, в том числе во время сбора чрезвычайного налога. Превышение полномочий заключалось в побоях, истязании и ранении Степана Трофимова, насильственном изъятии продуктов и имущества без расписки и оплаты, постоянном пьянстве [8, л.134]. Подобное поведение советских работников не могло не сказаться на настроениях населения.

С 11 марта 1919 г. военное положение было объявлено в Новоторьяльской волости. Такая мера была принята в связи с полным неподчинением населения местным властям, появления контрреволюционных элементов, развития дезертирства, широкой спекуляции. С 12 марта прибывший на место отряд чрезвычайкома Уржумского уезда начал проводить зачистки [27, л.31, 31 об.]. Военное положение было снято с уходом отряда 22 марта. При этом констатировалось, что саботаж и невыполнение нарядов упродкома продолжались, что до прихода отряда, что при отряде, что после его ухода [17, л.129, 129 об., 130].

В апреле 1919 г. в с. Параньга и д. Читово прошли волнения на почве отказа населения выполнять подводную повинность. Собравшиеся толпы пытались разоружить красноармейцев, но получили отпор. Выступления были быстро ликвидированы [26, л.39 об., 40]. К июню 1919 г. население Токтай-Белякской, Новоторьяльской, Ирмучашской, Сернурской волостей Уржумского уезда активно сотрудничало с прячущимися в местных лесах вооруженными группами дезертиров. Последние осуществляли охрану спрятанного крестьянами хлеба [26, л.104, 121].

Наиболее крупные выступления произошли осенью 1919 г. В сентябре 1919 г. в Чебоксарском уезде Казанской губернии 5 волостей «мусуль-

манского, крещенского и черемисского населения» выступили против учета посевных площадей. Официальные власти назвали основными причинами случившегося темноту населения и злостную антисоветскую пропаганду. Волнения ликвидировал отряд губчека при участии партийных работников. 2 человека были расстреляны. На непокорные 18 селений был наложен штраф в размере 760 тыс. руб. [25, с.181].

Также начиная с сентября месяца Марийский край стали сотрясать волнения на почве неприятия помольной системы, введенной в августе 1919 г. решением Казанского губернского исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Согласно данному решению за размол зерна на всех мельницах с крестьян стали брать не деньги, а муку в размере 4 фунтов с пуда. Вся мука, полученная таким способом, поступала в продовольственные органы. Контролем служили помольные билеты, выдаваемые каждому крестьянину на полгода, без которых размол зерна свыше нормы не допускался [1, с.43–44].

Первым возмутилось крестьянство Шиньшинской волости. 12 сентября 1919 г. сельские общества волости наотрез отказались получать помольные билеты без волостного схода. 13 сентября прошел сход, но и на нем население не согласилось получить билеты. 15 сентября районным и участковым контролерами Егоровым и Хитевым был созван повторный сход, который также отказался брать билеты. Населению объявили, что с 16 сентября размол без помольных билетов на мельницах допускаться не будет. В целях оказания давления на жителей волости исполкомом совместно с участковым контролером в ночь на 16 сентября с мельниц сняли порхлицы, которые были привезены в здание волисполкома. На следующий день к зданию исполкома начали стекаться люди, возмущенные выводом из строя мельниц. Тем временем контролер Хитев, взяв подводу, сложил на нее порхлицы и выехал со двора, имея намерение увезти их в д. Кулле-Кими, но ему этого сделать не удалось. Он был возвращен разъяренной толпой в с. Шиньша [5, л.3, 5, 5 об., 6, 22, 22 об., 26, 26 об., 49].

Параллельно население 36 деревень Шиньшинской волости подготовило заявление и постановление в Казанский губернский Совет крестьянских депутатов, в котором сообщило, что «полным собранием отобрали у Хитева порхлицы и передали их обратно мельникам, чтоб не было упущения в помол, так как у нас народа много, нуждающегося в молотом хлебе». Затем толпа заставила председателя волисполкома Ибрашкина, контролера Хитева и 2-х милиционеров поставить подписи под постановлением и отпустила их. Доставить подготовленные документы в г. Казань было поручено Габдулле Гаязу Шагимарданову и Степану Бойкову. Однако Бойков забыл документы дома, поэтому жалоба на неработающие мельницы была принесена на словах. На это донесение представители губернского совдепа ответили, что дело разберут, результаты населению объявят.

Для восстановления порядка и выяснения обстоятельств дела в с. Шиньша был направлен отряд из милиционеров и солдат Краснокок-

шайской уездной комиссии по борьбе с дезертирством в числе 18 человек. Отряд по прибытии в село был встречен толпой до четырех тысяч человек (по показаниям районного милиционера 2-го района Васильева, собравшихся было около тысячи человек), которая, несмотря на все увещания и разъяснения, отказалась не только выдать виновных в произошедшем, но и разойтись. Жители волости единогласно заявили, что в нанесении побоев советским служащим виноваты все. Кричали: что хотите, то и делайте с нами, перестреляйте нас всех, но помольные карточки все равно получать не будем. Пробыв до позднего вечера, отряд, видя свою малочисленность и несостоятельность, отступил. Только после этого собравшиеся разошлись [5, л.1, 1 об., 12, 22 об., 59, 60; 16, л.26, 26 об.].

22 сентября в волость прибыл отряд под руководством А.Кочетова в составе 110 человек с пулеметом. 23 сентября в с. Шиньша вновь собралась огромная толпа. На вопрос, кто и с какой целью ее созвал, люди отвечали, что «ночью был нарочный, а зачем позвали, неизвестно». Собравшимся было предложено спокойно разойтись [15, л.28, 29, 29 об., 31 об., 32, 32 об., 33].

Подробный разбор крестьянского волнения состоялся 24 сентября 1919 г. на заседании представителей сельских советов и волостного исполкома. При разборе обстоятельств волнения представитель д. Нижняя Шиньша Петр Константинов заявил, что конфликт вышел из-за того, что многие бедняки остались к 15 сентября без муки за закрытием мельниц [5, л.45, 46]. В протоколе экстренного заседания президиума Царевококшайского уисполкома от 20 сентября причиной восстания названо введение 4-х фунтовых лопаточных сборов за размол [15, л.29]. По итогам заседания единогласно была принята резолюция следующего содержания: «Мы, представители сельских советов, изъявляем полную покорность советской власти и обязуемся всех агитаторов против советской власти, как бывших, так и в будущем выдавать местной советской власти». Население заверило присутствующих, что подчиняется советской власти, обязуется разобраться в сложившейся ситуации и выдать каждому домохозяину помольные билеты [5, л.45 об., 46].

Практически одновременно с Шиньшинской волостью взбунтовалась Помарская волость. Там, 21 сентября 1919 г. общее собрание волостного съезда крестьянских депутатов постановило: «От лица всего населения от помольных карточек отказаться. Сельские и волостные советы в этом не винить, так как это есть желание всего населения». Помимо этого, общее собрание решило оставить по-старому лопаточный сбор, 2 фунта с пуда, и немедленно открыть мельницы, приостановленные контролером. Лопаточный сбор с мельниц предназначалось раздавать между беднейшим населением, нисколько не отпуская его за пределы волости. Контролерам на мельницах устанавливалась плата в размере 5 руб. с пуда лопаточного сбора. Ввиду уменьшения лопатки продажная цена лопаточной муки удваивалась [22, л.3, 3 об.]. Активная фаза восстания наступила с состо-

явшегося 11 октября 1919 г. заседания общего собрания волостного съезда, на котором был принят ряд решений, шедших в разрез с большевистской внутренней политикой. Собрание высказалось за устранение всеобщей воинской повинности, мотивируя это желанием прекратить братоубийственную войну из-за полнейшего разорения крестьянских хозяйств. «За ненадобностью» упразднился волостной военный комиссариат. Разрешалась свободная торговля в пределах волости. Были установлены самостоятельные цены на «ржаную муку – 200 руб., овсяную, гречневую муку и крупу – 250 руб. за пуд». Плата за размол ржи устанавливалась «2 фунта с пуда, ярового за обдирку – 1,5 фунта, а с размолом – 3 фунта». К размолу хлеба не допускались граждане с помольными билетами. Контролеры и инструкторы удалялись с мельниц, а последние передавались в распоряжение местных держателей [24, с.306–307].

Население не выступало против советской власти, но в волости запрещалась коммунистическая партия. Все коммунисты ставились под надзор местных сельских властей. Приезжих коммунистов предлагалось немедленно выдворить из Помарской волости. Коммунистическим организациям отказывалось в осуществлении по их требованиям подводной повинности. Открытым оставался вопрос обеспечения их дровами [24, с.306–307].

Участников восстания насчитывалось около трех тысяч человек – все население волости. Его руководителями являлись волостной военный чиновник Захаров и местные жители Лексин, Лазарев и Соловьев. Восставшим помогали дезертиры. В каждой деревне были выставлены посты под лозунгом «Долой Гражданскую войну!». Для подавления восстания в Помарскую волость под руководством военного комиссара Терехина прибыли отряды губчека и красноармейцев, насчитывающие 400 человек с 2 пулеметами. Собравшаяся толпа была рассеяна артиллерийским залпом. В ходе восстания было убито 3 местных коммуниста. За исключением Соловьева и Лазарева, руководителям восстания удалось скрыться [20, л.69].

В октябре 1919 г. Сотнурская волость выступила против помольных карточек, непосильной продовольственной разверстки и мероприятий воинского переучета. 2 октября крестьяне селений Петьялы, Тошнер, Кожла-Сола, Большая Сосновая взяли под свое управление 3 мельницы на Нижней, Средней и Верхней Люльке и установили там свой тариф сборов за размол муки: «за помол яровых – 3 фунта, ржи – 2 фунта. Действующие тарифы за помол яровых – 6 фунтов, гречи – 6 фунтов, ржи – 4 фунта крестьяне называли завышенными». 3 октября инструктор-агитатор Полевщиков решил проверить мельницы по реке Люльке, в которых обнаружил весь привезенный хлеб без помольных билетов [3, л.4, 6]. На заседании членов комитета Краснококшайской организации РКП(б) 13 октября Полевщиков сообщил, что население волости до сих пор помольных билетов не получало и размол хлеба продолжает без них. Прекратить несанкционированный размол ему самостоятельно не уда-

лось, ввиду угроз со стороны населения. Параллельно с введением помольных билетов проводились мероприятия по изъятию 30% излишков хлеба и переучету граждан [2, л.43].

15 октября в с. Сотнур собралась толпа в 3-4 тысячи человек [20, л.54]. Из следственных материалов следует, что жители волости шли в село с целью обсуждения вопроса снижения 30% нормы изъятия хлеба по продразверстке и по поводу помольных билетов [6, л.25, 34, 95]. По слухам, целью восстания было уничтожение исполкома и милиции [4, л.109]. Собравшиеся жители волости не стеснялись и говорили в открытую, что «сегодняшняя власть ведет их к гибели». Кем-то из толпы был изорван приказ о хлебной монополии. Было сказано несколько «сальных» слов в адрес советской власти [6, л.97, 97 об.].

В ходе восстания были разгромлены помещения исполкома и военного комиссариата. Уничтожены помольные билеты [4, л.109]. Сожжены все дела и книги по денежной отчетности, все руководящие инструкции, приказы, учетные карточки граждан волости мужского пола, родившихся в 1878–1903 гг., учетные карточки конского состава. Кроме того, из исполкома и отделения милиции 3-го района исчезли крупные суммы денег, в размере 74710 руб. 71 коп. и 12000 руб. соответственно [6, л.171, 179]. Восстание было ликвидировано силами уездной советской милиции. Арестовано 90 человек [4, л.109]. Пропавшую сумму денег было предложено разложить на граждан Сотнурской волости и в административном порядке взыскать с них (за исключением бедняков, если будет установлено, что последние не принимали участия в восстании) [6, л.171].

Анализируя события 1919 г., отметим тот факт, что попытка большевиков взять под контроль общественные процессы и направлять их в нужное русло, действовать на предупреждение возможных неблагоприятных ситуаций потерпела неудачу. Крестьяне не стали лояльнее относиться к политике советского (большевистского) правительства. Они хотели видеть конкретные меры, направленные на укрепление сельского хозяйства. Было невозможно накормить полуголодного хлебопашца, который видел, что каждое новое действие властей приводило его хозяйство, за которое он проливал пот и кровь, в еще больший упадок. Да и на примере действий агитаторов в Козьмодемьянском уезде, можно сказать, что они в большей степени занимали своеобразную прокрестьянскую позицию, чем еще сильнее подрывали авторитет советской власти, ведь являлись ее служащими.

Крестьянство в целом не выступало против советской власти. Даже лозунги за созыв Учредительного собрания можно рассматривать ни как намерение в корне изменить государственный строй, а скорее, как желание организовать равное участие всех слоев населения в решении важных государственных вопросов. Об этом говорит и то, что крестьянство постепенно стало идентифицировать советы и коммунистов отдельно друг от друга, предъявляя претензии лишь последним. Это мы видим на примере Помарского восстания. Ведь «темное крестьянство», как его называли

большевики, понимало, чья политика довела его до такого плачевного состояния. При этом любая критика коммунистов воспринималась как критика советской власти и приравнивалась к предательству дела революции. Это происходило ввиду того, что к 1919 г. большевики прочно отождествляли себя с советами, налицо было сращивание государственного и партийного аппарата.

Несмотря даже на ужасающие последствия выступлений, население не прекращало противостоять грабительской политике большевиков в деревне. Использовало как вооруженные методы, так и методы простого неповиновения постановлениям и распоряжениям советских (большевистских) властей. Все волнения характеризуются стихийностью. Крестьяне в ходе них пытались решить насущные проблемы, накопившиеся в деревне. Плохая подготовка и отсутствие ресурсов, главным образом вооружения, не давали возможности восставшим сопротивляться продолжительный период времени и добиваться поставленных целей.

Источники и литература

1. *Бочков А.И.* Три года Советской власти в Казани (хроника событий). Казань: Гос. изд-во, 1921. 63 с.: [Электронный ресурс] URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24999-bochkov-a-i-tri-goda-sovetskoj-vlasti-v-kazani-1917-25-oktyabrya-1920-gg-hronika-sobytiy-kazan-1921> (дата обращения: 18.10.2021).
2. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф.П-3. Оп.1. Д.9.
3. ГА РМЭ. Ф.Р-32. Оп.1. Д.17.
4. ГА РМЭ. Ф.Р-35. Оп.1. Д.53.
5. ГА РМЭ. Ф.Р-86. Оп.1. Д.73.
6. ГА РМЭ. Ф.Р-138. Оп.1. Д.4.
7. ГА РМЭ. Ф.Р-238. Оп.1. Д.28.
8. ГА РМЭ. Ф.Р-262. Оп.1. Д.8.
9. ГА РМЭ. Ф.Р-262. Оп.1. Д.9.
10. ГА РМЭ. Ф.Р-262. Оп.1. Д.11.
11. ГА РМЭ. Ф.Р-262. Оп.1. Д.16.
12. ГА РМЭ. Ф.Р-275. Оп.1. Д.125.
13. ГА РМЭ. Ф.Р-275. Оп.1. Д.140.
14. ГА РМЭ. Ф.Р-275. Оп.1. Д.140а.
15. ГА РМЭ. Ф.Р-275. Оп.1. Д.164.
16. ГА РМЭ. Ф.Р-275. Оп.2. Д.4.
17. ГА РМЭ. Ф.Р-362. Оп.1. Д.9.
18. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.Р-98. Оп.2. Д.2.
19. ГА РТ. Ф.Р-116. Оп.1. Д.68.
20. ГА РТ. Ф.Р-116. Оп.1. Д.321.
21. ГА РТ. Ф.Р-116. Оп.19. Д.1.
22. ГА РТ. Ф.Р-152. Оп.1. Д.71.

23. Данилов В.П., Данилова Л.В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С.22–39.

24. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Документы и материалы / под ред. В.П. Данилова, Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002. 944 с.

25. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4-х томах. Т.1. 1918–1922 / под ред. А.Береловича, В.Данилова. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.

26. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГА КО). Ф.Р-876. Оп.2. Д.29.

27. ЦГА КО. Ф.Р-3455. Оп.1. Д.51.

The peasant movement in the Mari Land in 1919

A.A. Ivanov, T.P. Fedyaeva

Mari State University

Yoshkar-Ola, Russian Federation

The article provides an overview of the main events of the peasant movement in the Mari Land in 1919. Various types of peasant resistance are presented. The author tells about the influence of Soviet propaganda on the state of affairs in Kozmodemyansk district. The introduction of martial law in the Novotoryalsk parish is described here. The article reveals the course of events of the peasant uprisings in Shinshinsk, Pomarsk, Sotnursk parishes in the fall of 1919. A conclusion about the reasons for the peasant unrest is made.

Keywords: peasantry, “military communism”, appropriation of food surplus, agitation, Bolsheviks, peasant uprisings.

For citation: Ivanov A.A., Fedyaeva T.P. The peasant movement in the Mari Land in 1919. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 3, pp. 51–61. (In Russian)

Информация об авторах:

Иванов Алексей Ананьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (Йошкар-Ола, Российская Федерация); e-mail: ivanov.al.1974@bk.ru

Ivanov Alexey Ananyevich – Dr. Sci. (history), Professor of the Department of National History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation).

Федяева Татьяна Павловна – аспирантка кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (Йошкар-Ола, Российская Федерация); e-mail: do_fedyaeva@mail.ru

Fedyaeva Tatyana Pavlovna – graduate student of the Department of National History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation).